

ФРАНЦИЯ И ВОСТОК

Ф. Пуйон

ЖИВ ИЛИ МЕРТВ ОРИЕНТАЛИЗМ? ФРАНЦУЗСКАЯ ИСТОРИЯ

Критика «колониальной науки» началась во Франции и Алжире еще в 1960-е гг., сразу после деколонизации. Это объясняет, почему франкоязычные исследователи недооценили важность появления работы Эдварда Саида «Ориентализм» в 1978 г. (фр. пер. – 1980). В настоящей статье анализируется параллельное развитие радикальных исследований второй половины XX в. во Франции, США и «третьем мире» относительно роли знаний и представлений о Востоке. Автор обсуждает тему связи между наукой и колониализмом, выявляя проблемы, имеющие для арабо-мусульманского населения гораздо более сложное и неоднозначное звучание, поскольку таковые являются не только предметом сугубо академических штудий, но и непосредственно касаются идентичности этого населения.

Ключевые слова: ориентализм, Э. Саид, Франция, Алжир, деколонизация, политология

Исторические разногласия

Дебаты по поводу ориентализма начались добрую половину века назад – вместе с эпохой деколонизации, в рамках широкой волны пересмотра социальных наук. Можно сказать, что выход работы Эдварда Саида в то время не стал ни первым тревожным звонком, ни даже особо выдающимся событием. Зачастую «военные действия» начинали именно светские интеллектуалы, носители двойной культуры¹, но при этом близкие к националистическим движениям. Так, статья, озаглавленная «Кризис ориентализма» (*L'orientalisme en crise*), авторства социолога-марксиста из Египта Анвара Абдель Малика, относится к 1963 г., а работа «Деколо-

Франсуа Пуйон, профессор Высшей школы социальных наук, Париж.

¹ Автор имеет в виду под носителями двойной культуры людей, сформировавшихся под влиянием восточной и европейской культуры. – *Прим. пер.*

низировать историю» (*Décoloniser l'histoire*) была написана алжирским интеллектуалом и националистом Мохамедом Сахли в 1965 г.

В 1976 г. Абделькебир Хатиби опубликовал памфлет против Жака Берка, и этот текст в дальнейшем был охарактеризован как «дезориентированный ориентализм». Марокканский писатель, без сомнения, не знал, что тот же Берк в 1960 г. во время конгресса востоковедов открыл огонь по позициям этой научной дисциплины изнутри. Он посчитал слова «ориентализм» и даже «антрополог» устаревшими как с научной, так и с политической точки зрения, и предпочел назвать свою кафедру в Коллеж де Франс «Социальная история современного ислама». Фактически эта деконструкция была гораздо более масштабной и помимо собственно ориентализма как научной дисциплины, занимающейся изучением языков и цивилизаций, касалась политического аспекта социальных наук вообще, а также их тесной связи с колониальной политикой. Именно в этом ключе написано эссе по истории Магриба, опубликованное в 1970 г. Абдаллой Ларуи у политически ангажированного издателя Франсуа Масперо.

В этой работе опровергались факты из учебника, который использовался на протяжении четырех десятилетий и чьим автором был не кто иной, как Шарль-Андре Жюльен, сотрудник кафедры истории колонизации в Сорбонне и при этом воинствующий сторонник деколонизации. Это означало, что движение исторической переоценки было подхвачено французскими интеллектуалами: тот же Жюльен опубликовал в 1964 г. в издательстве «Presses Universitaires de France» первый том «Истории современного Алжира», которая так и не была окончена. За работу над вторым томом в 1979 г. взялся другой крупный специалист по историографии данного региона – Шарль-Робер Ажерон. Стоит отметить, что именно тогда «французы Франции», далекие от всевозможных воинствующих идей и признанные в университетских кругах, постарались полностью пересмотреть то, что упомяннутый Шарль-Робер Ажерон называл *vulgate coloniale*.

Именно под знаком критики «колониальной науки», как называли в то время ориентализм, целое поколение французов тех времен, убежденных антиколониалистов, вошло в эпоху сотрудничества с развивающимися странами после получения последними независимости. В рамках этого движения был написана работа «Алжир антропологов» (*L'Algérie des anthropologues*, 1975) Филиппа Люка и Жана-Клода Ватена, которую позже упрекали в схематизме; затем сборник «Больно смотреть» (*Le Mal de voir*), который появился после майских событий 1968 года (Монио, 1976) с недвусмысленным подзаголовком «Этнология и ориентализм: политика и эпистемология, критика и самокритика». Еще в 1957 г. все у того же Масперо вышел похожий сборник «Антропология и империа-

лизм» (*Anthropologie et impérialisme*), разоблачающий участие ученых в американской империалистической политике в Юго-Восточной Азии. Все эти труды уже давно стояли на полках наших библиотек, когда, наконец, появился трактат Эдварда Саида, появление которого якобы знаменовало собой рождение «постколониальных» исследований. И именно по этой причине перевод данного труда на французский язык в 1980 г. прошел во Франции практически незамеченным.

Большинство ученых, работающих над арабской и исламской тематикой, в целом сходились во мнении о тесной связи исследований в области общественных наук с историей колонизации, но трактовка, которую дал Эдвард Саид, оказалась слишком упрощенной. Дело в том, что к тому времени ученые по эту сторону Атлантики уже перешли на следующую ступень исследований. Отказываясь от идеологической критики, они намечали далее заняться социальной историей интеллектуального труда и создать, таким образом, монографические исследования об отдельных лицах или коллективах, об институтах фундаментальных и прикладных исследований. Программа таких работ была предложена Жаном-Клодом Ватеном в 1984 г. на организованной им в Принстоне конференции, посвященной социальным наукам и колонизации. И именно в этом направлении ученые двигались в последующие два десятилетия, а итоги их работы были подведены в книге «О другом Востоке» (*D'un Orient, l'autre*) и в коллективном труде по результатам научного исследования Средиземноморья. В это время ученые, вовлеченные в изучение ближневосточного региона, пришли к общему выводу, что книга Эдварда Саида была слишком очевидной и схематичной. И хотя они имели с Саидом общие болевые точки, желание подчеркнуть тесную связь между знанием и властью, а также политическую позицию, благоволящую к Палестине, все же его книга казалась им слишком ограниченной. Именно на это обращал внимание Максим Родинсон, имевший обширные познания в востоковедении, но при этом являвшийся последовательным сторонником левых: он опубликовал несколько примечательных статей на эту тему в книге «Очарование ислама» (*La fascination de l'Islam*).

В кругу специалистов по исламу и арабскому миру Эдвард Саид стал объектом как теоретической, так и историографической критики. Даже если в 1982 г. на памятном заседании конгресса MESA, общества американских исследователей арабского мира, эпическое столкновение между Бернардом Льюисом и Эдвардом Саидом закончилось очевидной победой последнего, все же рост научной критики, успехи исследований в области истории науки региона, возвращение в моду живописи, которая тоже называется «ориенталистской» – все это в скором времени при-

вело к тому, что в научном мире, напрямую соприкасавшиеся со всеми этими сюжетами, перестали считать книгу Саида «Ориентализм» обязательным ориентиром.

Американский взгляд

Вот почему нас несколько удивило, когда два десятилетия спустя мы обнаружили, что Эдварда Саида пропагандируют в наших университетах под видом так называемого «постколониального» движения. К этому времени наши представления о предмете значительно изменились. На смену восторгам по поводу деколонизации 1970-х гг. пришло, по выражению Эле Бежи, «национальное разочарование». Однако это не привело к возвращению ностальгической, коммунитаристской истории, которую продолжали писать «черноногие»¹ из бывшего колониального Алжира. Симпатии к странам «третьего мира» сохранялись в общем контексте противостояния американскому империализму и его ответвлению – сионизму. Однако, несмотря на стойкость «прогрессистов» в своих убеждениях, разочарования тех лет охладили их пыл.

Это означало, что надо заняться серьезным изучением архивов, внимательно, а не поверхностно перечитать художественные тексты и научные труды, а также озаботиться вопросом изучения языков – работа, которая практически перестала осуществляться, в том числе в среде «туземных» университетских преподавателей. В результате неизбежно формировалось менее однозначное представление о том, что мы называли «колониальной наукой», о разнообразии авторов, их институциональной принадлежности и их отношениях с властью. И особенно важно было разделить идеологическую направленность текстов (неизбежно колониальных, как было показано выше) и их эвристическую ценность. Далее, возвращение в моду ориенталистской живописи привело, в конце концов, к возрождению производства довольно комичных, зачастую потешных изображений, что позволило нам подняться на новый уровень, совсем не характерный для эпохи великих парадигм. С другой стороны, переиздание путевых заметок, романов, фильмов, возобновление выпуска коллекций почтовых открыток, оцифровка колониальных песен создали яркий образ великолепных дней колоний. Не было ни ностальгии, ни желания реванша, но все это побуждало скорее к пересмотру упрощенных представлений о деколонизации, которые становились все менее очевидными. Таким образом, всплеск постколониальных исследований, получивших широкое распростране-

¹ «Черноногие» (фр. *pieds-noirs*), или франкоалжирцы, – жители колониального Алжира французского происхождения. – *Прим. ред.*

ние даже в университетских кругах, и появление работ, которые можно было бы расценить как агрессивные, к тому же американских, едва не застали нас врасплох.

Столкнувшись с этой атакой, мы отреагировали на нее как люди, обладающие знанием, на которое, как мы думали, у нас есть определенное право. Действительно, та снисходительная критика, которой мы подвергли Эдварда Саида, была практически не действенной, если не сказать совершенно непродуктивной, потому что к тому времени уже появилось сообщество людей, которых совершенно не интересовала наша так называемая компетентность. Они скрепили новый союз между «третьим миром» и североамериканским регионом в то самое время, когда европейские страны закрывали свои южные границы. А США и Канада тем временем предлагали более чем приличные условия работы самым блистательным выпускникам университетов Африки и Азии.

Объединение интеллектуального коммунитаризма и представителей влиятельной индийской диаспоры привело в итоге к формированию в Америке чего-то вроде институционального императива: необходимости создания сначала кафедры «cultural studies» («культурных исследований»), а затем и «post-colonial studies» («постколониальных исследований»), которые оказались во власти упомянутых выше сообществ. Эти процессы уже анализировались, и их неоднозначность показана и тщательно разобрана. Но требовалось нечто гораздо большее, чтобы создать вокруг книги и самой фигуры Эдварда Саида настоящий ажиотаж. Мы можем кратко перечислить некоторые из составляющих этого успеха. Например, его манера преподносить свою аргументацию как вклад в борьбу за освобождение Палестины превращает эту вполне себе эрудитскую работу, что бы мы там о ней ни думали, в подтверждение тезиса общен исторического масштаба о том, что ориентализм – это вневременная константа политики имперского Запада.

С установлением подобной линии фронта приходилось выбирать, на чьей вы стороне. Любое опровержение Эдварда Саида, даже если оно было научным и глубоко обоснованным, сразу вызывало сомнения. Правда, и в самом Саиде было немало подозрительного: араб-христианин, выходец из зажиточной и космополитичной буржуазной семьи, и, кроме того, человек, получивший признание в рамках американской университетской системы. Однако такое двусмысленное положение было обычной участью подобных ему интеллектуалов. Он эмигрировал с другого континента, извлек выгоду из своего положения изгнанника, и вместе с тем ему удалось прекрасно вписаться в местную систему. Всем этим Саид

походил на многих других представителей интеллигенции («из диаспоры»), которые имели широкие возможности для самореализации в крупных городах, продолжая при этом подчеркивать свою прочную символическую связь с тем обществом, из которого они вышли. В его случае эта связь выражалась в бескомпромиссной защите палестинского дела. И на одном этом основании Саид стал представителем университетской и писательской интеллигенции, выходцев с другого берега, чья героическая легитимность основывалась в том числе на возможности представлять народы Юга. Но на самом деле идеи Эдварда Саида произвели фурор совсем в другом месте, в гораздо более широкой области истории литературы и искусствоведения, связанной с путешествиями на Восток и представлениями о нем.

По идее, тот приговор, что был вынесен порождениям ориентализма, должен был похоронить под спудом все его неисправимо порочные плоды. На самом деле это осуждение привело к прямо противоположному эффекту. С тем же ликованием, с той же заботой о деталях, которые так любили христианские проповедники классического периода, рассказывая о пороках и об аде со всеми этими нагими телами, подвергавшимся самым ужасным пыткам, исследователи и критики могли отныне с полным на то правом подробно анализировать расистские стереотипы, карикатуры, социологические заимствования, на основании которых писатели, художники, журналисты и прочие бумагомаратели готовили почву для господства грядущей колонизации, предвосхищая действия империалистов, создавших государство Израиль как язву в центре арабского мира. Этому, правда, способствовала не только работа Эдварда Саида, тем более что подобные люди не стремились вдаваться в научные нюансы, но, по большому счету, именно она привнесла политическую остроту в традиционно «тихую» сферу литературной критики и истории искусства. Будто пират с черным флагом вломился в уютный будуар.

Если «Ориентализм» и перевели на 35 языков, да еще и включили в учебную университетскую программу в Америке, то произошло это совсем не потому, что книгу одобрили специалисты по теме. Напротив, у этой работы нашлось множество сторонников, зачастую совершенно не связанных друг с другом: политиков, знаменитостей, литераторов, идеологов и особенно «академиков» – я специально использую данный англицизм, прекрасно отражающий подобное смешение университетской основательности и авторитетности интеллектуалов и литераторов, словом, то течение мысли, которое проявилось в научной сфере под именем «постколониальных исследований».

Мнимый диалог

А имело ли место обсуждение ориентализма? Конечно, нет. Ясно, что существуют сторонники и противники Саида. Понятно также и то, что они используют самые разные уровни аргументации, поскольку личные истории и пути у них столь же различны и не связаны друг с другом. Доминирует клановая логика, а не научный диалог, в котором можно было бы рассуждать. Французский перевод Эдварда Саида появился уже более тридцати лет назад, и следует признать, что с тех пор положение вещей совсем не изменилось. Ни у кого нет никаких причин оставлять свои позиции, в основе которых политические убеждения, устойчивая самоидентификация и идентификация другого, эссенциализация интеллектуальных предпочтений со всеми теми вопросами, которые задаются на разных уровнях, но которые никогда не были исключительно концептуальными или просто умозрительными, определенные жизненные обстоятельства, которые принимаются наравне с аргументированным мнением.

Так как же тогда «перезапустить» дискуссию? В качестве первого пункта этой программы можно было бы попытаться защитить невиновных и показать с помощью «белой книги»¹, что стан востоковедов состоит из настоящих ученых, которые беспокоятся только о взаимном обмене инструментарием для своих научных изысканий, а также помогают понять «Другого» посредством изучения языков, сбора сведений об истории цивилизаций, применения точных методов исследования. Их произведения – это результат исследований, и даже если они имели скрытый идеологический подтекст, как, в частности, у христианских священнослужителей, озабоченных, прежде всего, антимусульманской полемикой, стремление к точности в конечном счете оказывалось сильнее предвзятости. И если в некоторых случаях отсутствует явное сопереживание, все же надо признать, что важные произведения, созданные теми самыми духовными лицами (раз уж мы взяли этот пример), все равно заслуживают уважения. Совершенно очевидно, что этот закрытый мир вписывается в исторический контекст, а история, как известно, близорука (а какая эпоха нет?); ученым зачастую жизненно необходимо быть заодно с местной властью, обычно колониальной, но в новых государствах также и с постколониальной; и вместе с тем они умеют в данной связи напомнить о требовании соблюдать объективность, которое допускает и знание, и гипотезу. Связь отца Фуко с генералом Лаперрином, основателем

¹ «Белая книга» – информационное письмо для общества, которое составляется для того, чтобы люди на основе этих фактов могли принять какое-либо решение. Термин появился в 1920-х годах, изначально «белые книги» были сообщениями, в которых правительство поясняло проводимую им политику. – *Прим. пер.*

Сахарской роты войск на верблюдах, не мешает тому, что его «Франко-туарегский словарь» (1951–1952) остается памятником безукоризненной эрудиции. Можно сказать то же самое о работах таких великих ученых, как Луи Массиньон и Бернард Льюис, которым иногда приходилось служить, причем без каких-либо терзаний, под разными политическими флагами. К тому же недостаточно подчеркнут тот факт, что политик сам по себе нуждается в надежных информаторах, а не только в агитаторах, рекламщиках и почитающих его льстецах. Важно также и то, что ученые чувствуют себя морально ответственными или, по крайней мере, имеют какие-либо принципы, в число которых входит независимость научных действий от власти – требование, которое со времен Галилея ставится во главу научных изысканий. Именно на этом основании сторонники востоковедения защищали его как корпорацию, руководствующуюся этикой и открыто заявляющую об автономии научных изысканий от власти.

Итак, мы находимся на разделительной полосе между теми, кто верит лишь в непреходящую ценность чистой науки, независимой от любых властей, и теми, кто не признает эту науку, где все якобы замаскировано для обеспечения господства Запада, теми, кто проявил себя приверженцем предвзятого подхода, который определяется жесткими рамками тех или иных идентичностей, глубинными отношениями солидарности, как это бывает у притесняемых народов, у гонимых меньшинств, у крайних маргиналов, требующих максимального уважения к своей особости, сохранения своего специфического достоинства, которое убергает их от растворения во всем, от интеллектуальной глобализации, подобной отчуждению. Без сомнения, легко заклеить эти симметричные позиции: первая будет апеллировать в лучшем случае к гносеологической духовности, а в худшем случае к тем мистификациям, в создании которых Запад так преуспел, то есть к «правам человека», которые можно использовать в разных целях. Уже Карл Маркс говорил, что доминирующая идеология – это идеология доминирующего класса. Но ответ ученых их противникам не менее силен: они выступают против возвращения пагубной сталинской схемы, противопоставлявшей буржуазную науку пролетарской, и сайдовской «ждановщины», которая пыталась утвердиться с помощью власти, в то время как ей следовало бы опираться лишь на доказательную базу. Помимо этого, постколониальная волна возбуждает подозрения в коллективном честолюбии, в стремлении добиться высокого положения, получить кафедры и завоевать прочие интеллектуальные области, которые впоследствии могли бы превратиться в должности, издательские квоты и, в конечном итоге, пере-

расти в интеллектуальную и конечно же политическую власть. Можно ли найти компромиссное решение между этими симметричными и вместе с тем противоположными позициями, можно ли их объединить? Поскольку между этими непримиримыми противниками, которые обоюдно подпитываются противоречиями в доводах друг друга, а не в constitutive дискуссии, уже более или менее установилось определенный *modus vivendi*, какие-либо изменения кажутся невозможными. Да и желательны ли они? Вряд ли. И все же попытаемся определить некоторые границы этих противоречий.

Научная политика

Условимся сразу же о том, что эта война ведется все же достаточно цивилизованным способом для того, чтобы считать ее политической борьбой или, по меньшей мере, борьбой вокруг научной политики. На этой сцене, как и на других, убитые встают после окончания пьесы, чтобы выйти на поклон и затем начать репетировать новые выступления. В связи с этим героический тон, повсеместно принятый в спорах, совершенно неуместен. Несомненно, что Эдварду Саиду действительно угрожали, а его рабочий кабинет был ограблен при весьма гнусных обстоятельствах. В «жестокой» Америке насильственные действия, которые ему пришлось пережить, относятся к совсем другому уровню, чем те, которым подвергались жертвы маккартизма или воинствующие бойцы за гражданские права во главе с Мартином Лютером Кингом. Наоборот, Саид пользовался до последнего (то есть до событий 11 сентября) всеми привилегиями государственного признания, которые только мог получить. В этом отношении следовало бы провести анализ того, как так произошло, что люди постколониального движения, которые всегда бежали от бед в деколонизированных странах «третьего мира», старательно оберегали принявшую их американскую землю, нападая более методично на колониальные державы XIX века – Францию и Англию, но обходили стороной действия американского империализма, от доктрины Монро до блокады Кубы. Если уж они взялись с такой энергией за ориентализм, не странно ли, что из области этой дисциплины была исключена именно Америка?

Можно ли считать, что один из «лагерей» наделяет другим смыслом исследовательскую деятельность, вульгаризирует ее? Что он мог бы оказать более великодушную политическую поддержку странам Юга или даже опровергнуть те идеологические основания, на которых покоится политика неоимпериализма, осуществлять гуманистическую экспертизу, чтобы помочь нейтрализовать сухие экономические выкладки, приводя-

щие к ограждению европейской цитадели от миграции и исключают плюрализм внутри ее границ? Это стремление закономерно: оно даже вписывается в лучшие философские традиции, согласно которым со времен Платона и до наших современных «интеллектуалов» считалось, что нужно не столько взять в свои руки власть, сколько влиять на решения владыки. Признаем, что это действие всегда имело ограниченный эффект. Воздействие интеллектуалов на власть огромно, но оно осуществляется более косвенным или размытым образом. Если не считать каких-то конкретных случаев, где действительно есть о чем говорить (во Франции это Вольтер, Эмиль Золя, Андре Жид, Жан-Поль Сартр, Пьер Видаль-Наке, в США можно подобрать свои примеры), то влияние на власть либо ничтожно, либо идет в ногу с развитием другого политического порядка. Отметим, что в этих отдельных случаях вмешательство выходит за пределы профессиональной сферы деятельности этих авторов. И проблема состоит в разделении областей между теми, кто опирается на исследования и эксперименты, и теми, кто исходит из этических устремлений и «партийной» позиции. Интеллектуал, как и любой гражданин, обязан вмешиваться в общественные дебаты и всегда отстаивать свои убеждения. Вопрос в том, является ли его исследование в такой ситуации инструментом. Многие так думают. Мы не разделяем этого заблуждения. И прежде всего мы отдаем себе отчет в тех опасностях, которые представляет собой смесь жанров, например заказные исследования, где тезисы должны служить определенному делу и где выводы в итоге оказываются заранее предreshены. Мы все-таки верим в критическое мышление, которое может пойти дальше и даже против своих первоначальных убеждений.

Мы достаточно много видели, как исследование, вписанное в контекст определенного утверждения, может иметь к истории лишь отдаленное и порочное по своей сути отношение, формируя предвзятое мнение при оценке данных, создавая мнимые генеалогические связи и во всех случаях отсылая к незапамятному прошлому. Молодые деколонизированные нации часто давали именно такие примеры. В желании выстроить свое прошлое, идентичность, наследие, они сполна наигрались с неправильными интерпретациями. Вспомним, что они прошли хорошую школу и что наши «предки галлы» были придуманы Наполеоном III для того, чтобы утвердить французский этнос, который появился будто бы не в результате скрещивания «двух рас». То же самое сделала в свое время и якобинская республика для просвещения ребятишек из французской провинции, хотя те не менее отличались друг от друга, чем дети всей Империи. В отличие от Истории, покоившейся на телеологической и

принудительно ангажированной философии истории, мы стремимся к истории дискурсивной, диалектической, то есть полемической, умеющей пользоваться свободой, заработанной дорогой ценой, готовой к тяжелой работе, способной учитывать тонкие различия, сомнения, противоречия.

Нам кажется, что именно это противостояние лежит в основе «спора» об ориентализме. Слева от меня, как уже говорилось, находятся сторонники историографии «око за око», заботящиеся лишь о том, чтобы составить список всех исторических преступлений, который можно продолжать бесконечно: из-за угрозы амнистии, а также из страха забвения они призывают к немедленному возмещению убытков. Эдвард Саид – их герой-мученик, героичность его позиции подчеркивается ими. Справа от меня – сторонники науки если не совсем чистой, то хотя бы стремящейся к чистоте: светские потомки монахов-бенедиктинцев, которые в свое время служили Богу терпеливым восстановлением священных текстов. Сейчас они не поднимаются так высоко, они призывают к этике, свободной от политических терзаний. Если мы точно знаем, что не относимся к саидовскому лагерю, мы в то же время не думаем, что реставрация чистой ориенталистской науки нужна в наши дни. Ибо взаимопроникновение, даже относительное, науки и политики было в достаточной степени продемонстрировано как раз для того, чтобы эта переменная могла быть исключена. Но взаимопроникновение не означает вербовку, и не остается ничего иного, кроме как снова стремиться к идеалу, даже если он и граничит с иллюзией: самое простое – это установить границу с политикой, не воспринимая ее как неизбежность; принять, таким образом, часть этой игры, через исключение, через отличие, которые как раз восстанавливают чувство собственного достоинства интеллектуала.

Пересмотр дела

Именно это мы пытались проиллюстрировать на протяжении тысячи и одной заметки нашего «Словаря ориенталистов-франкофонов». При структуре, главным образом биографической, особое внимание было уделено выявлению мотивов получения образования, повышений и признания: семейные или личные связи, политические пристрастия и общность интересов, а также наличие связей с различными учреждениями, с властью. Из этого перечня явствовало, что перед нами люди, не слишком сильно отличающиеся друг от друга, да и от других людей в целом, шагающие в ногу со временем. В то же время у некоторых из них было достаточно способностей, чтобы доказать свою самобытность, неконформизм и даже порой оказать сопротивление или взбунтоваться. Нуж-

но ли говорить, что случаи выступлений против неточностей, ошибочных обобщений не привели ни к каким результатам? Ведь Эдвард Саид не являлся сторонником точных знаний (он даже не позаботился о том, чтобы исправить очевидные ошибки, которыми изобилуют его тексты), зато ссылался на гораздо более общие механизмы развития истории. Для него ориентализм стал идеологией, миром связанных между собой идей, существующих в зависимости от политической структуры, империализма, но независимо от индивидуальных носителей, которые его олицетворяют. Здесь, без сомнения, следовало провести более глубокий критический анализ этого понятия идеологии, которое принадлежит одновременно Платону и Карлу Марксу и которое Эдвард Саид позаимствовал на самом деле у проницательного марксиста Антонио Грамши. Однако удовлетворимся тем, что признаем за этим тезисом его бесспорную статистическую истинность, а именно то, что Пьер Бурдьё резюмировал, заявив, что некоторые тезисы не являются «даже ложными»: если речь идет только о том, что существуют угнетенные и угнетающие, добрые и злые, то дело всегда имеет слабый результат. Проблема состоит в том, что в контексте столкновения цивилизаций эта ретроспективная и довольно механическая интерпретация показывает себя весьма действенной.

Одним из критериев при выборе героев наших биографических статей среди довольно обширного мира ориенталистов была оценка выдающегося вклада уроженцев Востока, даже если этот вклад в рамках официальной истории, создаваемой большими авторами, учеными из метрополии, считался совсем не большим, или даже, рискуем использовать это слово, второстепенным, то есть фактически недооцененным. Интерес такого подхода состоял в выявлении символических иерархий или даже некоторой логики каст, проявлявшейся в отношениях между центром и периферией ориентализма. Вторым достоинством такого подхода была возможность обнаружить количественное значение и понять роль того множества посредников, перебежчиков, анклавных и смешанных групп, которые не всегда воспринимались как проводники и посредники, но чаще как полукровки, отщепенцы, шпионы и предатели. Некоторым из них иногда улыбалась удача, и им удавалось во время колониального периода повысить свой социальный статус. Платой за это часто становились изгнание или вытеснение из общества, как, например, это произошло с алжирскими военнослужащими вспомогательных войск¹, подло брошенными колониальными властями на растерзание их собратьям.

¹ «Harkis» – алжирские солдаты, сражавшиеся за Францию и вынужденные бежать из Алжира в 1962 г. – *Прим. пер.*

Процесс отторжения не всегда доходил до физического искоренения, но он часто выражался в символической смерти для окружающих или в идентификационном исчезновении, как это случилось с детьми от смешанных союзов, не учтенных в статистике, которые в конце концов были обречены на исчезновение вместе со всем «нечистым», что в свое время было продемонстрировано Мэри Дуглас.

Важно то, что, подчеркнув активное участие местного населения в деле накопления знаний и представлений о том, чем являлся ориентализм, мы нащупали болевую точку истории, точку, которой вряд ли могли найти простое идеологическое применение: это, несомненно, был акт справедливости – оценить по достоинству вклад местного населения, их заметное участие в науке, практически не признанное патерналистским режимом, который тогда главенствовал как в науке, так и в обществе. Эта позитивная дискриминация, которую мы к ним применяем, является чем-то вроде внесения коррективов в приговор истории.

Такое вот обрисованное в общих чертах знание открылось нам в ходе планомерной инвентарной работы в рамках составления нашего словаря. Можем ли мы на этом остановиться? Просто признать, что концепция Эдварда Саида была неполной из-за того, что во многих случаях она была неточной? И, в конечном счете, можно было бы выкинуть его ориентализм на помойку истории, взяв из него лишь полезные утверждения, например, для организации схем культурных пространств или для применения в какой-то из специализаций, стремящихся к более широкой теоретизации: в лингвистике, археологии, истории, этнологии и т.д.? Именно в этом направлении нас подталкивала Люсет Валенси в пространном вступлении к «Словарю»: ориентализм, говорит она, принадлежит прошлому; это результат не столько широкой кампании по его опровержению и даже изобличению, сколько следствие истощения эпистемологического потенциала данного подхода, в котором можно найти множество недостатков, как это хорошо подчеркнул Жак Берк. К недостаткам, которые он тогда перечислил (незнание теоретических дебатов в социальных науках того времени; отказ от признания действительности, в особенности политической; очевидная неспособность допустить на научное поле выходцев из изучаемых сообществ) следовало бы добавить еще важные недостатки: почти религиозное значение, которое придавалось текстам; стремление считать народные обычаи следствием высокой культуры; эссенциализация терминов, как в большой «Энциклопедии ислама», с помощью которых пытались зафиксировать в неисторических понятиях бесконечное множество региональных вариаций обычаев и их историческую эволюцию; и, в некотором роде, клерикальная логика, которая нуж-

далась в более светских эпистемологических подходах, вписанных в исторический контекст, политику, действительность.

Итак, мы вернулись к основной проблеме: что делать с ориентализмом сегодня, когда в разных дисциплинах происходят изменения, на различных уровнях познания, даже в музейной работе или в области популяризации местной продукции, которую мы сейчас называем «аэропортным искусством»¹? Идет ли речь о радикальной перестройке, переосмыслении ориентализма как среды исследования, объекта исследования сегодня и завтра? Мы не будем возвращаться к определению термина «ориентализм» или различных значений, в которых он используется, а также понятий, в основе которых он лежит, так как, судя по всему, он сохраняется во многом благодаря некой расплывчатости, удивительному синтезу элементов, с помощью чего он сегодня и возрождается. Мы уже выделяли его самую удивительную черту: успех книги Эдварда Саида узаконил весь список предубеждений, которые в другое время были бы признаны устаревшими. Сам факт того, что текст с радикальным осуждением содействовал обоснованию довольно широкой области в исторических, литературных, искусствоведческих и музыкальных исследованиях, должен заставить задуматься и попытаться объяснить логику этой парадоксальной легитимации.

Принять ли наследие?

Это самая ясная часть среди других неясных вопросов. Подобное явление мы можем наблюдать на примере живописи. В этой сфере возвращение ориентализма в 1970–1980-х гг. вписывается в гораздо более широкий процесс: вместе с реабилитацией академизма «китчевый» рынок вновь дал жизнь всей той серии продукции, которую долгое время клеймили позором, потому что она способствовала уничтожению «истинной» живописи, например импрессионизма, и которая в то время получала только подпольное признание. Общий подъем рыночной стоимости предметов искусства привел к тому, что в галереях появилось множество произведений, до сих пор хранившихся в гаражах и имевших статус «мазни». Этот процесс стал результатом спекулятивного спроса, так как дорогостоящие картины находились тогда уже в конкретных частных или общественных коллекциях.

¹ «Art d'aéroport» (досл. «аэропортное искусство») – массовая сувенирная продукция серийного производства, которая изготавливается для среднего туриста и продается в общественных местах: аэропортах, на вокзалах, у популярных туристических объектов. Стилизованные «этнографические» предметы в этом случае не имеют никакого отношения к аутентичному народному искусству. – *Прим. пер.*

Многие видят в этом (вне критического подхода) следствия изменения жизни в мусульманских странах, как то и происходило в некоторых случаях. Этот феномен был вызван на восточном рынке тем фактом, что в 1970-х гг. очень выросла прибыль от нефти и появились значительные денежные запасы, которые следовало «инвестировать». В первую очередь инвестировать начали в творчество местных художников, развивавшихся в рамках ориентализма: например, Мохаммеда Расима в Алжире, вновь открывшего местные миниатюры; Османа Хамди в Турции, ученого-археолога, писавшего в манере Жан-Луи Жерома. Включение новой иконографии, во многом испорченной ориенталистскими схемами, в художественный процесс затронуло также Египет, Ливан, Ирак, Марокко. Это и стало побудительной причиной роста продаж предметов «мусульманского» (тогда речь шла о декоративном искусстве) и «ориенталистского» искусства, вокруг которых активизировались антиквары-специалисты, искусствоведы и, конечно, эксперты-оценщики, а осторожная публика на самом деле заинтересовалась собственно темой, живописью, местностью, а даже порой не самим произведением, которое во многих случаях по-прежнему странным образом не принимали.

Именно благодаря этому причудливому стечению обстоятельств был обеспечен успех и существование специфического искусства, которое в свое время не получило такого признания, даже если некоторые известные художники (Огюст Ренуар, Анри Матисс, Пауль Клее и т.д.) отваживались на его стилизацию. Сегодня мы можем лишь отметить всплеск активности среди экспертов, специалистов, авторов монографий, открытие больших экспозиций, музейных отделов, появление исследовательских работ и т.п. Все эти действия, если их объединить, возможно, и приведут к какому-нибудь результату, но достаточно и того, что нефтяные эмираты стараются создать музеи «восточных» искусств, чтобы они вновь вошли в моду... Без сомнения, в зрительской среде есть самое разное понимание картин: одни оценивают их как точное отражение вещей и людей прошлого; другие, наоборот, продолжают считать их отвратительными карикатурами, созданными Западом-завоевателем с целью исказить самобытность, требующую большего уважения к себе. Между этими двумя крайностями находится позиция коллекционеров двойной культуры, способных оценивать их с некоторой толикой юмора, смешанной с восхищением перед манерой и мастерством, которые есть в этих произведениях искусства... и в то же время зарабатывать большие деньги, перепродавая их гораздо более наивным любителям или учреждениям. В противовес тому, что по этому поводу говорит Эдвард Саид, эта живопись всегда характеризовалась сложной игрой смыслов, и вполне

возможно, что на современном Востоке, не менее сложном, чем ранее, эта непростая игра продолжается. Отсюда и манера изображения, которая тем более многозначна, что никакой текст или контекст понастоящему не определял этой системы символов. Но, по справедливости, книги и библиотеки, в основе которых лежит вековая ученость или выдумка путешественников, могут ли они быть таким же образом усвоены и превращены в наследие? Наиболее сомнительные для самоопределившихся наций тексты – это, конечно, исторические книги, так часто несущие колониальную идеологию. Это касается и антропологических работ, но на деле, конечно, можно обнаружить множество уровней их прочтения: все исследования, где упоминаются коллекции объектов, которые подходят для того, чтобы стать наследием Востока, легко находят повторное применение, даже если и приходится убирать из них имперские фрагменты. А, к примеру, тексты о марокканских коврах Проспера Рикарда (1924–1934) или результаты изучения арабской музыки бароном Эрлангером (1930–1959) переиздаются в первоначальном варианте.

Для мира, существующего по законам племенной жизни, являющегося классическим поприщем этнологии, дело обстоит сложнее. Националистическая идеология отрицательно относится к использованию фундаментальных особенностей, которые, судя по всему, постепенно добавлялись в национальное «варево» непреодолимых различий, так как это вновь напоминает о мятежных группировках и о мести, которые власть хотела бы, наоборот, преодолеть, тем более что старые шрамы до сих пор остаются довольно болезненной темой. Но если, поменяв точку зрения или, вернее, масштаб, мы рассмотрим воскрешение на новых основаниях региональной или местной солидарности, а также «меньшинств», которые вновь активизируются против централизирующего государства, то в таких случаях этнологические свидетельства могут быть использованы заинтересованной стороной, и тем более эффективно когда носителями этих знаний станут местные интеллектуалы, но вместе с тем получившие образование в столицах. Без сомнения, они будут оценивать эти данные совсем по-другому, они охотнее обратят на них внимание и позаимствуют лишь отдельные сведения, отбросив обобщающие антропологические определения. Но, в сущности, не в этом ли состоит судьба любого крупномасштабного текста?

Список литературы

Après l'orientalisme : l'Orient construit par l'Orient / Dir. par F. Pouillon et J.-C. Vatin. P., 2011.

Berque J. Pour l'étude des sociétés orientales contemporaines. P., 2001. P. 119–132.

D'un Orient, l'autre. Les métamorphoses successives des perceptions et connaissances / Dir. par J.-C. Vatin. P., 1991. 2 vols.

Dictionnaire des orientalistes de langue française / Dir. par F. Pouillon. P., 2008.

Intellectuels en diaspora et théories nomades // *L'Homme* / Dir. J. Assayag, V. Bénéneï. 2000. № 156.

Irwin R. For Lust of Knowing. The Orientalists and their Enemies. L., 2006.

Le mal de voir. *Ethnologie et orientalisme : politique et épistémologie, critique et autocritique* / Ed. H. Moniot. P., 1976.

Rodinson M. La fascination de l'Islam. P., 1980.

Said E. Orientalism. P.-N.-Y., 1978.

Said E. L'Orientalisme. L'Orient créé par l'Occident. P., 1980.

Terray E. Face aux abus de mémoire. Arles, 2006.

Vatin J.-Cl. Connaissance du Maghreb. Sciences sociales et colonisation / Dir. par J.-C. Vatin. P., 1984.